

Специально для

Семь дней. — 1997. — 29 Дек. — с. 64

ПОТОМСТВЕННЫЙ ДВОРЯНИН В ОДНОМ БОТИНКЕ

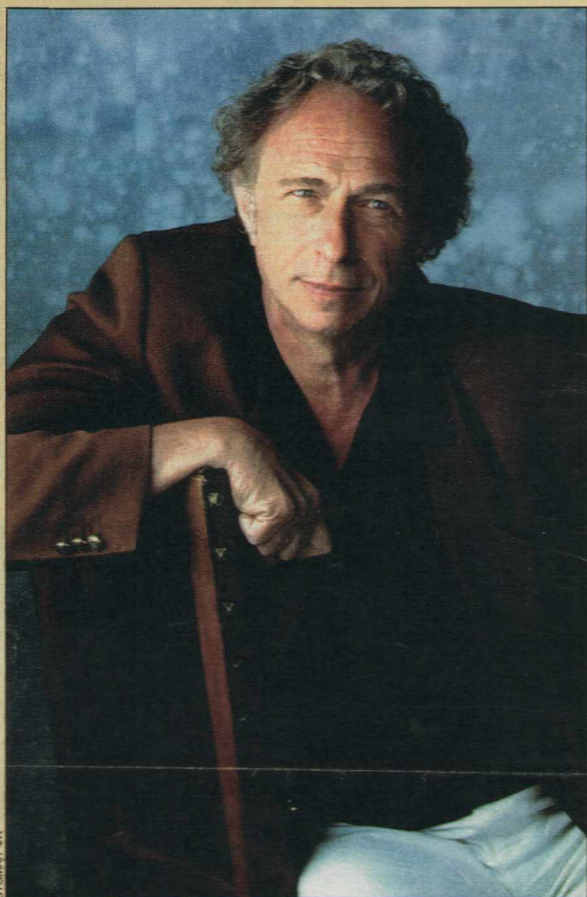
Детство мое прошло среди нянек, кружев и ухоженных розовых клумб огромного замка. Все вокруг было утонченным, изысканным и брезгливым — как оттопыренный мизинец на холеной руке моего деда, который меня воспитывал.

В нашем замке все были аристократами — даже пес, значившийся по своему звериному паспорту как Аким де Шипенбош. А чтобы полностью произнести мои имя и фамилию, вообще требовалось несколько минут: Пьер Ришар Морис Шарль Леопольд де Фэс...

Каждый день личный шофер деда подвозил меня к школьному крыльцу на «Роллс-Ройсе», несмотря на мольбы останавливать машину метров за сорок до школы. Я протестовал как мог. Умудрился три года проучиться в пятом классе. В шестнадцать лет написал огромными буквами у входа в замок жирное слово: «дерьмо!» Увы, дед посчитал все это юношеским чудачеством. На один из званных воскресных обедов к нам явился сам господин аббат. Между сыром и грушевым мороженым он с вальяжной заботливостью обратился ко мне: «А кем у нас собирается стать молодой человек?» «Комическим актером», — выпалил я не моргнув глазом. «Пьер пошутил, — вмешался дед, сжигая меня моноклем. — Мальчик готовится к карьере адвоката или нотариуса».

Он, аристократ в тридевятом колене, не мог поверить, что я для себя уже давно сделал жизненный выбор: буду или комиком, или клошаром (нищим. — Ред.)! К счастью, произошло первое.

Говорят, я часто вызываю улыбки не только у кинозрителей, но и у людей

из моего постоянного окружения. Меня это ничуть не задевает, а, напротив, радует. Еще бы! Ведь авторы многих фильмов с моим участием утверждают, что им не приходится особенно ломать голову над сценариями. Достаточно просто записывать истории из моей жизни.

Вспоминаю, как шла подготовка к съемкам «Игрушки». Я узнал, что моим партнером будет Мишель Буке — мой давний кумир. Для первого нашего знакомства выбрал непринужденную обстановку уютного ресторана, куда пригласил его на обед. Все было хорошо, но мне не давала

расслабиться правая нога — она почему-то мерзла. Я не придавал этому значения до тех пор, пока не настало время выходить из-за стола. Подавая на прощание руку, Буке вдруг вытаращил глаза на мои ноги и закатился в хохоте. Я в ужасе посмотрел вниз и обнаружил, что на мне только один ботинок. Публика в ресторане была в восторге. А Буке немедленно отправился к сценаристу — так и появился в «Игрушке» знаменитый эпизод: я в пижаме и тапочках посреди банкетного зала.

Пьер РИШАР
Париж, декабрь